

ДВЕ ТЫСЯЧИ
РАРИТЕТОВ

Видимо, представлять старшего научного сотрудника Института мировой литературы, доктора искусствоведения Илью Самойловича Зильберштейна нет нужды. Читатели «ЛГ» не раз встречались с ним на страницах нашей газеты. Около десяти лет назад, в июне — июле 1966 года, мы опубликовали цикл интервью с И. С. Зильберштейном о том, как были возвращены на Родину многие бесценные сокровища отечественной литературы, изобразительного искусства, истории... Некоторые из этих архивных материалов будут опубликованы на страницах издания «Литературное наследие», инициатором и непосредственным организатором которого И. С. Зильберштейн и является.

И. С. Зильберштейн только что вернулся из командировки во Францию. Мы беседуем в его рабочем кабинете. На столах — старые в свежих закладках книги, неведомые репродукции, громоздкие альбомы, донельзя исписанные рабочие тетради... Еще не все отысканное во Франции достало до Москвы — предстоит длительная, кропотливая работа.

С чем же была связана эта

России. Сергей Павлович твердо надеялся, что все собранное им, несомненно, вернется на Родину. В этом смысле весьма применительно надпись, которую он сделал на изданной в Берлине книге «Тарантас» В. А. Сологуба. Вот она, эта надпись:

«Тарантас» для возвращения в Россию.
Париж... С. Д.»

...Какая же судьба постигла библиотеку Дягилева и собранные им автографы после его смерти в 1929 году? Значительную часть приобрел известный мастер балета Сергей Михайлович Лифарь, который, живя в Париже, с той давней поры также стал библиофилом и коллекционером автографов. Бережно храня коллекцию Дягилева, в минувшие полвека С. М. Лифарь сумел разыскать ряд других автографов Пушкина, книги с дарственными надписями великих русских писателей. В своих статьях он прямо утверждал, что все это «принадлежит России».

И, пожалуй, ни один из русских парижан не дарил своей Родине столько ценных реликвий отечественной культуры, как С. М. Лифарь. Так, в 1956 году он прислал в Ленинград, в Институт русской литературы (Пушкинский дом), где хранятся рукописи великого поэта, автограф

А горечь Вашу я ненавижу...
Письмо С. М. Лифаря заканчивалось так: «Моя зарубежная Пушкиниана и Дягилевские архивы мне удалось сохранить... А что дальше?»

...Спустя три дня И. С. Зильберштейн получил высланный С. М. Лифарем каталог. Вот он перед нами. На переплете — знак лондонской аукционной фирмы «Сотеби Парк Бетнет»: ей С. М. Лифарь поручил провести аукцион в Монте-Карло.

Далее крупно набрано: «Библиотека Дягилева» — Лифаря, Монако. 28—29—30 ноября, 1 декабря 1975 г. Листаю книгу с золотым тиснением. Этот весьма квалифицированно составленный и превосходно изданный каталог содержит сведения более чем о 800 названиях (около 2000 книг), а также о ряде музыкальных автографов. Сей быстро распространявшийся среди антикваров, библиофилов и собирателей многих стран каталог свидетельствовал, что на предстоящем аукционе в Монако выставлены многие уникальные издания, которые на протяжении десятилетий невозможно было обнаружить в продаже.

— 25 ноября я получил из Парижа телеграмму: «Был бы рад вашему присутствию на продаже русской библиотеки 28 ноября. Привет, Сер-

в Ленинской библиотеке... Но вот на просмотренном поднаписи десять импозантных представителей лондонской фирмы «Сотеби». В центре — почтенный джентльмен, некий лорд, который будет вести аукцион, он знает всю представленную для продажи коллекцию, цены и конъюнктуру, знает по именам всех участников торга и их кредитоспособность... Рядом с ним весьма представительная дама с молоточком. В зале — напряжение.

Аукцион библиотеки Дягилева продолжается. Предлагаются хорошо известные нашим библиофилам первое издание «Бориса Годунова» Пушкина.

Памятник С. П. Дягилеву в Монте-Карло

вроде повести или рассказа. Сочинение П. Столичного». Эта книга в каталоге аукциона была помечена № 731, — комментирует Илья Самойлович. — Ее, видимо, издал сам автор, который вместо своей фамилии поставил псевдоним.

Третью необходимую нам книгу из библиотеки Дягилева приобрел на аукционе в Монте-Карло выходец из России, ныне проживающий в княжестве Лихтенштейн, 60-летний вице-председатель Олимпийского комитета этой небольшой страны Э. А. Фальц-Фейн.

— Он услышал русскую речь и подошел ко мне, — рассказывает И. С. Зильберштейн. — И по-русски спросил: «Извините, сударь, не из Москвы ли будете?» — «Да, именно из Москвы». — «Очень приятно! Позвольте представить — барон Фальц-Фейн, Эдуард Александрович. Россия — это и моя родина: мой дядя был основателем любительского зоопарка, из которого вырос затем заповедник Аскания-Нова, что под Херсоном».

У вас — сладкая фамилия, я ее очень хорошо помню с детских лет, — ответил И. Зильберштейн. — Я родился в Одессе, а конфеты, шоколад и другие сладости отец покупал нам в магазине Фальц-Фейна...

— Как вы сказали, — сладкая фамилия! Да, это был дядин магазин... А я, признаться, совсем недавно побывал в Аскании-Нове, где меня великолепно приняли. Я с удовольствием осматривал ныне знаменитый заповедник, в степях которого дядя любил гулять со мной... Так давно я не был в Аскании-Нове — и вот ведь довелось еще раз увидеть! Я рад встретиться с вами и в память об этом позвольте подарить Родине книгу, которую только что приобрел здесь, на аукционе...

Барон передал изданную в России в 1774 году книгу Николая Курганова «Наука Морская». А заодно подарил и изданную им в княжестве Лихтенштейн на английском, французском и немецком языках книгу, которая называется «Аскания-Нова» — жемчужина Украины.

БЕСЦЕННЫЙ
АВТОГРАФ ПУШКИНА

Итого этой поездки значительны, и в одном репортаже обо всем подробно не расскажешь... И. С. Зильберштейн осторожно, почти не дыша, выкладывает на стол все новые неведомые раритеты...

— Вы говорите, итоги?.. С этим еще придется долго разбираться... После аукциона, уже в Париже, мы сердечно беседовали с Сергеем Михайловичем Лифарем, и он решил подарить Родине еще три книги, которые миновали аукцион... Вот они — смотрите!

Гляжу! Тонкая книжка в розовой обложке. Раскрываю —

Надпись А. С. Пушкина на пятой главе «Евгения Онегина», подаренной в 1828 году журналисту О. М. Соловьеву, принимавшему близкое участие в редакционных делах Пушкинской «Литературной газеты»

Итого этой поездки значительны, и в одном репортаже обо всем подробно не расскажешь... И. С. Зильберштейн осторожно, почти не дыша, выкладывает на стол все новые неведомые раритеты...

Гляжу! Тонкая книжка в розовой обложке. Раскрываю —

Целое сражение возникло вокруг рукописи композитора Игоря Стравинского. Это двенадцать страниц нотного текста — сюита из «Жар-птицы». Первая названная руководитель аукциона цена — 5000 франков. За несколько минут эта цифра удваивалась, и в итоге ожесточенной схватки рукопись была продана за 97 000 франков...

Так аукцион действовал все четыре дня!

— А каковы итоги вашего участия в аукционе?

— Как я уже сказал, в первый день я не был на аукционе, поэтому шесть книг из 16 отсутствующих в фондах Ленинской библиотеки, к сожалению, были уже проданы. В последующие дни удалось приобрести семь названий: «Триод» (Венеция, 1561 г.), «Требник» (Киев, 1703 г.), «Октоих» (Львов, 1715 г.), «Искусство явиться в свет с успехом» (СПб, 1774 г.) «Новейший полный письмовник, или Всеобщий секретарь» (СПб, 1807 г.), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (М. 1862 г., с дарственной надписью автора), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (СПб, 1863 г., с дарственной надписью автора).

А еще два нужных нам издания Сергей Михайлович Лифарь снял с аукциона и передал их в дар Родине. Это 12 томов знаменитой «Мини» в десяти переплетах, изданных в России в 1666 и 1724 годах. А другое издание — быть может, единственный в мире экземпляр книги «Петербургские трущобы из трущобы», напечатанной в «Печатне «Мирской вестник» по Екатеринбургскому каналу, близ Какушкина моста № 70, в Петербурге в 1870 году. На титульном листе, под заголовком, набрано:

«Роман не роман; в неч-

пята глава «Евгения Онегина». А на обороте титула рукою великого поэта выцветшими коричневыми чернилами выведена дарственная надпись литератору и журналисту той поры: «Оресту Михайловичу Соловьеву. А. Пушкин».

Еще одна книга — первый том собрания сочинений И. С. Тургенева, вышедший в 1880 году, с дарственной надписью общественному деятелю и издателю А. М. Щепкину — сыну знаменитого артиста.

И, наконец, третья книга — великолепный экземпляр в мягкой кожаной обложке с золотым орнаментом, исполненным из самого что ни на есть натурального золота... Чудесные гравюры украшают книгу, которая вышла в свет в Петербурге около 150 лет назад — в 1827 году. Это первый том одного из тогда популярных, но бесталанных романов.

Таковы результаты пребывания на книжном аукционе в Монте-Карло и встреч с С. М. Лифарем, — продолжает И. С. Зильберштейн. — Во время нашей последней беседы он просил передать Министерству культуры СССР эти три книги. Но, конечно, было бы гораздо лучше, законнее, если бы вся замечательная библиотека Дягилева была сохранена целиком и не разошлась бы в сотни различных, иногда весьма случайных мест, не стала бы предметом торгашества...

За несколько дней до аукциона в Монте-Карло я получил от С. М. Лифаря копию опубликованной во Франции его газетной статьи «Моя победа и мое поражение». С полным основанием Сергей Михайлович считает, что факт сохранения им на протяжении почти полувека библиотеки Дягилева и собранных им автографов, как он пишет, «славная победа и гордость перед родной культурой». Но объясняя свое решение все-таки продать значительную часть библиотеки, Лифарь в этой же статье пишет: «А теперь — другое. Реальное. Скорбное. Признавая себя побежденным, я с болью в сердце вынужден расстаться с дорогими мне наследием русской, отечественной культуры, отдав на публичную продажу с аукциона дягилевскую библиотеку». Далее С. М. Лифарь утверждает, что его намерение сохранить библиотеку целиком не увенчалось успехом. Поэтому он решил продать книги, чтобы спасти их от «пори, сырости и паразитов в подвальном хранилище».

Нечто подобное писал П. П. Свиньин, видный русский журналист эпохи Пушкина, который в 1819 по 1834 год собирал экспонаты для задуманного им Русского Музеума. По разным причинам он вынужден был расстаться со своим детищем. Превосходные экспонаты будущего Русского Музеума также разошлись с аукциона, на котором присутствовал Александр Сергеевич Пушкин. Так вот, П. Свиньин писал своему другу:

«Наконец, о моем Русском музее можно сказать, что

и в турецком флоте под Чесмой был!»

— Я убежден, что поражение Сергея Михайловича Лифаря стало бы его победой, если бы вся библиотека целиком стала бы достоянием Родины. Разве не звучит трагично то обстоятельство, что город Монте-Карло, в котором стоит памятник Сергею Павловичу Дягилеву и где на скале можно увидеть превосходную мемориальную доску с трогательной надписью, именно он стал местом «похорон» чудесной библиотеки!

Конечно, такая библиотека не должна валиться в подвале и гнить... И все же следовало по-настоящему, с деловыми предложениями обратиться в наши государственные органы относительно судьбы библиотеки. И лишь после того, когда пришел бы официальный ответ — а я не сомневаюсь, что он был бы положительным, — Сергей Михайлович Лифарь мог бы распорядиться ею гораздо мудрее...

«Мы говорили с Ильей Самойловичем долго. Он ответил на многие вопросы. Одно обстоятельство нас особо волновало: какова судьба знаменитых писем А. С. Пушкина к невесте, поистине бесценных свидетелей его жизни, находившихся также у С. М. Лифаря?»

— И этот ваш вопрос не является неожиданным после приезда в Москву я уже не раз слышал его. И вот что мы сообщаем. Обращаясь к одному из руководителей Министерства культуры СССР, С. М. Лифарь пишет:

«Надеюсь, что подлинник и этих чудесных автографов, которые мне удалось спасти, в дальнейшем найдут себе достойное место на моей родине».

Что касается меня, — сказал в заключение И. С. Зильберштейн, — то я несколько не сомневаюсь, что это решение С. М. Лифаря станет реальностью и все наши почитатели гения Пушкина — а их миллионы и миллионы — скажут их нынешнему владельцу спасибо!

Итак, мы говорили с вами о книжном аукционе в Монте-Карло. Но эта поездка — еще и акварельный портрет Н. К. Загряжского кисти П. Ф. Соколова — по словам П. А. Вяземского, «Пушкин заслуживался рассказом Натальи Кирилловны, сам же великий поэт признавался, что в образе графини из «Пиковой дамы» много сходства с Загряжским; еще и неизвестные письма А. М. Горького, И. А. Бунина и А. И. Куприна, дневники А. М. Ремизова, рисунок И. Е. Ретина, новые материалы и до сих пор неведомые художнические произведения Александра Бенуа (их общее число 160) — это его иллюстрации к литературным произведениям, эскизы декораций и костюмов к драматическим, балетным и оперным постановкам, рукописи воспоминаний Константина Коровина и многое другое. Впрочем, это уже иные темы...»

...Слушая И. С. Зильберштейна, я снова вспомнил весенний день 1961 года в Ленинграде. С. М. Лифарь подробно говорил о радости встречи с Родиной, о ее сокровищах, которые он упорно собирал и бережно хранил.

— Придет время, и все это будет здесь, на родной земле, — сказал он тогда, в Ленинграде...

Н. МАР

КНИЖНЫЙ АУКЦИОН
В МОНТЕ-КАРЛОРассказывает
доктор искусствоведения
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

зарубежная поездка? С книжным аукционом в Монте-Карло, том самом Монте-Карло, с одним из трех городов княжества Монако... В этой едва ли не самой маленькой стране Западной Европы, кроме больших картонных бите, происходят и иные, действительно крупные события.

— 28 ноября в Монте-Карло должен был начаться книжный аукцион, можно с полным основанием сказать — крупнейший и важнейший в нынешнем XX веке аукцион старинных русских книг, то есть распродажа знаменитой библиотеки, собранной выдающимся деятелем русской художественной культуры Сергеем Павловичем Дягилевым.

Два слова о Дягилеве и его библиотеке.

В письме к композитору Н. А. Римскому-Корсакову от 11 июня 1907 года Дягилев с полным основанием приписывал себе и тем, для кого «вопрос русских культурных побед — есть вопрос жизни».

Устроитель знаменитых «русских сезонов» за рубежом Сергей Павлович Дягилев впервые с такой широтой представил зрителям ряда стран Западного Балтийского и музыкальное искусство России. В истории отечественной культуры он был неутомимым деятелем. Таким он остался и тогда, когда всего за три года до своей кончины в Венеции, в 1929 году, он стал страстным коллекционером автографов великих русских писателей, импозантных редчайших русских изданий XVI—XIX веков.

— Ведь три года — это очень и очень короткий срок, — продолжал И. С. Зильберштейн. — И все же сколько Дягилев успел найти и собрать — это просто невозможно представить! Приведу несколько примеров. Ни в одной из крупнейших библиотек мира, даже в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, не было знаменитой «Азбуки» первопечатника Ивана Федорова, а Дягилев нашел это бесценное издание. Разыскал он и десяток старопечатных книг XVI—XVII веков, два экземпляра первого издания «Путешествия Радищева... Количество собранных им книжных редкостей составило 2000 названий. И все это раритеты, значение которых понимает каждый любящий книгу человек. Он искал их всюду. У меня издавна хранятся два письма С. П. Дягилева к его парижским друзьям: он просил их приобрести для него некоторые редкие книги, которые сам не успел купить в Париже...

В «ЗИМНЕМ СПОРТИНГЕ»

— И все же с чем конкретно была связана ваша новая поездка за границу? — спрашиваю И. С. Зильберштейна.

— 4 августа 1975 года я получил из Парижа от Лифаря письмо, в котором он сообщил, что собирался прилететь в Москву для переговоров о судьбе своей библиотеки, о судьбе пушкинских автографов. Но в связи с рядом обстоятельств он не смог осуществить это намерение. Письмо заканчивалось так:

«С грустью извещаю, что мою Дягилевскую библиотеку (с XVI до XIX века) — 2000 томов я вынужден «разбазарить» с торгов... На ее содержание не имею средств».

— Я немедленно написал Сергею Михайловичу в Париж, выразив великую печаль по этому поводу, — продолжал И. С. Зильберштейн. — Вскоре получил от него ответ, в котором он сообщил, что пришел к решению продать основную часть своей библиотеки... Сначала я полагал, что и пушкинские рукописи пойдут с аукциона. Но, к счастью, этого не произошло. Тогда же, 8 ноября 1975 года, С. М. Лифарь писал мне:

«Посылаю Вам спешно каталог русско-славянской библиотеки, библиотечки, с которой я вынужден расстаться... Как все это ценнейшее имущество сохранить в целом? Другого исхода, нежели этот (то есть аукцион). — И. З. — я не нашел.

гей Лифарь», — продолжает Илья Самойлович. — О предстоящем аукционе я сообщил академику-секретарю Отделения литературы и языка АН СССР академику М. Б. Храпченко. Этим важным делом заинтересовалось Министерство культуры СССР, предложило срочно командировать меня на аукцион в Монако, затем в Париж для поиска русских реликвий. Времени отъезда оставалось мало, а дел много. Когда я показал каталог будущего аукциона в Монте-Карло директору Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина профессору Н. М. Сикорскому, выяснилось, что даже в фондах этой нашей самой богатой русскими изданиями в мире библиотеки, увы, отсутствуют 16 названий из числа тех раритетов, которые описаны в каталоге. Н. М. Сикорский просил сделать все возможное, чтобы приобрести и отправить на Родину эти книги...

Итак, только 28 ноября, то есть в день начала аукциона, я вылетел из Москвы и прибыл в Париж в одиннадцать часов дня по местному времени. Отсюда надо час лететь в Ниццу, но это была пятница, конец недели, и ни на один самолет уже не осталось билетов. Лишь благодаря помощи И. М. Шагал, дочери знаменитого художника, я с трудом получил билет на самолет, вылетавший в Ниццу. И только в семь вечера я добрался до Монте-Карло и был у здания, где происходили аукционы, — оно называется «Зимний спортинг» и находится неподалеку от знаменитого казино и театра. Но, увы, первый день, первый «сеанс» аукциона уже завершился: я опоздал... Надо было ждать завтрашнего утра...

СХВАТКА АНТИКВАРОВ

В это утро здесь, в большом зале «Зимнего спортинга», собрались прибывшие из многих стран мира известные антиквары, книжники, собиратели уникальных, представители многочисленных богатых фирм, посланцы известных коллекционеров — миллионеров, которые не стеснялись в расходах, лишь бы приобрести первое издание древнейшей книги или несколько страниц живого Стравинского и другие музыкальные автографы — они тоже были объявлены в каталоге.

Именные покупатели, а их собралось здесь свыше 120, еще накануне внимательно осматривали книги из библиотеки Дягилева, которые должны были продаваться. Некоторые экземпляры и сейчас были представлены за стеклом — их можно поглядеть.

— Я пришел около десяти утра, осматривал роскошный зал, встретил здесь нервного, взвинченного С. М. Лифаря, встретил давнего знакомого русского парижанина, который обещал и действительно затем помог приобрести некоторые книги, которых нет

Лорд называет исходную цену.

- 3000 франков!
- 3500...
- 4000...
- 5000...
- 6000!
- 6000 — раз, 6000 — два, 6000...
- 7000!

«Охота» за «Борисом Годуновым» — охватила зал: цены взлетали мгновенно — 8000, 9000, 10 000... Еще два удара молотка.

- 12 000 франков — раз, 12 000 — два, 12 000 — три...
- Продано! — не изменяя монотонной речи объявила дама с молоточком.

— Так шел этот аукцион века в Монте-Карло. Именно века: более богатого в истории книжных аукционов русских книг в этом столетии не было, — продолжал И. С. Зильберштейн. — Острое внимание собравшихся здесь антикваров мира привлекли листы «Библии» первопечатника белоруссии Франциска Скорины, датированной 1518 годом. Специально прибывший из Лондона господин не стеснялся в расходах и за очень высокую цену купил эти листы.

Целое сражение возникло вокруг рукописи композитора Игоря Стравинского. Это двенадцать страниц нотного текста — сюита из «Жар-птицы». Первая названная руководитель аукциона цена — 5000 франков. За несколько минут эта цифра удваивалась, и в итоге ожесточенной схватки рукопись была продана за 97 000 франков...

Так аукцион действовал все четыре дня!

— А каковы итоги вашего участия в аукционе?

— Как я уже сказал, в первый день я не был на аукционе, поэтому шесть книг из 16 отсутствующих в фондах Ленинской библиотеки, к сожалению, были уже проданы. В последующие дни удалось приобрести семь названий: «Триод» (Венеция, 1561 г.), «Требник» (Киев, 1703 г.), «Октоих» (Львов, 1715 г.), «Искусство явиться в свет с успехом» (СПб, 1774 г.) «Новейший полный письмовник, или Всеобщий секретарь» (СПб, 1807 г.), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (М. 1862 г., с дарственной надписью автора), А. К. Толстой «Князь Серебряный» (СПб, 1863 г., с дарственной надписью автора).

А еще два нужных нам издания Сергей Михайлович Лифарь снял с аукциона и передал их в дар Родине. Это 12 томов знаменитой «Мини» в десяти переплетах, изданных в России в 1666 и 1724 годах. А другое издание — быть может, единственный в мире экземпляр книги «Петербургские трущобы из трущобы», напечатанной в «Печатне «Мирской вестник» по Екатеринбургскому каналу, близ Какушкина моста № 70, в Петербурге в 1870 году. На титульном листе, под заголовком, набрано:

«Роман не роман; в неч-

Приведенные на аукционе библиотеки С. П. Дягилева в Монте-Карло редкие иллюстрированные издания, задуманные и осуществленные художником Н. Степановым (Петербург 1857—1858 гг.). В этом издании карикатур, исполненных литографским способом (72 листа — 360 рисунков), принимали участие художники П. Анненский, А. Волков, Г. Дестунис, Р. Жуковский, М. Зичи.